

ДЭВИД РУБАДИРИ

В ПЕРЕВОДАХ БОРИСА СЛУЦКОГО

Дэвид Рибадире — лучший из современных поэтов Малави. Предлагаем вниманию читателей подборку его стихотворений.

Владыка
африканской ночи

Солнце повисло над холмистым западом,
Запечатлевши длинные острые тени
На темнеющих склонах;
Одинокие усталые парни,
Измотанные долгим переходом,
С мычащим, сонным,
 тяжелым на подъем стадом
Поворачивают в деревню.

Позади задымленных хижин
Трещат очаги и кипят котелки,
Покуда полногрудые молодухи
Кормят перед сном сопящих детей.
Тьма заглатывает день,
Небеса просыпаются,
Сквозь темные тучи
Глазеет серебряная луна,
В то время

как в недрах темнеющих хижин
Возникают черные тела.

В ночи негромко звучит
Бум-диди-бум барабанов.
Сначала робко и медленно,
Потом непрерывно и мощно,
Настойчиво ухая и бухая,
Переполюнявая ночь
Волнующим и горящим кровью
Трепетом.

Рывки ритмичных ног,
Хлопки плещущих рук,
Песни, рвущие ввысь.
Когда ритм вселяется

в ритмичные мышцы,
Тела кружатся и корчатся
Вслед нарастанию и убыли
грохота барабанов.

Затем уголь покрывается пеплом,
Ночь остывает,
И танцоры
Один за другим
Тают во тьме,
Оставляя после себя тишину,
Чтобы наглая сова
Удлюкнула свое «спокойной ночи».

Едва в ледящей лесной тьме
Проснется
Тайная жизнь,
Гневный, яростный, презрительный рев
Раздерет ночь, словно гром,
Отошлет барабаны спать.

Симба —
Он стоит и смотрит,
Потом нагло зевает —
Пылающее величество
В чернильной тьме ночи,
Владыка африканской ночи.

Африканское бдение

Вечер уже вызолотил дальние холмы.
Я пробираюсь извилистой тропинкой,
Чтобы повстречаться с ней,
Моей черной возлюбленной.

Она наполняет у заводи
Последний за день кувшин.
Огибая знакомые заросли,

Я уверен, что найду ее там,
Как всегда находил с тех пор,
Когда мы были вместе впервые.
Останавливаюсь и жду;
Сначала показывается горло кувшина,
Потом нагие смуглые плечи,
Стройная шея,
Окаймленная бусами
Цвета закатного зарева.
Черные глаза поворачиваются ко мне,
И — молниеносная тень улыбки.

Вот и все, что она говорит,
Вот и все, что хочу услышать.
Посторонилась, дала мне пройти...
Когда — боком — я прохожу мимо,
Наши глаза встречаются,
И бесконечное мгновенье
Мы понимающе глядим друг на друга;
«Завтра в это же время?» —
говорит мой взгляд,
А ее: «Я не опоздаю».

Стэнли

встречается с Мутесой*

Таково было время;
Днем — жара,
Ночью — холод
И, конечно, москиты.
Таково было время,
А цель была — королевство.

Тонкая цепь усталых носильщиков,
Покрытых живописным отрепьем;
На бритых головах громоздятся
Разбитые сундуки.
Нрав у них веселый и пылкий,
Свирепое и палящее солнце
Поднимает их дух,
Губит их надежды,
Каждый день потогонный

им тела иссушает,

А на привалах
Мухи вцепляются
в их пропотевшие спины.

Так они шли,
А жара еще только начиналась.

Каждый день падал измученный пони,
Его бросали на равнине — хищникам;
Каждый день валился тощий,
как скелет, человек,
Его бросали на равнине — масаям;
Но они продолжали тащиться
Во главе с вождем, одетым в хаки;
Он их вдохновлял,
он вселял в них надежду.

Затем наступил голодный переход,
Голодный и знойный;
Нил и Ньянса,
Словно два близнеца,
Голубели среди зеленого края.
Люди запели и запыгали,
Как молодые газели у заводи.

Сердца бьются чаще,
Ноша кажется легче,
Если стертых ног коснулась
Водяная прохлада.
А когда засветился двор Мутесы,
Перестали бояться голодных гиен,
Стали хвалиться своими подвигами.

Теперь вместо палящей жары
Будут песни, смех и танцы.

За банановой рощей виднеется деревня,
Сквозь тростник изгороди глядят дети.
Так они были приняты.
Ни женщин, поющих приветствия,
Ни барабанов в честь белого посла;

* Мутеса — один из африканских королей.

Только молчаливые кивки
нескольких стариков

И один раскат барабана,
Чтоб собрать весь двор Мутесы,
Потому что деревня им не доверяла.

Тростниковые ворота распахнуты,
Молчанье,
Но молчанье на миг —
Молчанье, когда принимают решение.
Выступает высокий черный король,
Он возвышается

над худым бородатым белым
И, схватив тощую белую руку,
Понижает голос до шепота:
«Мту мвеупе карабу» —
«Добро пожаловать, белый».
Ворота из полированного тростника
закрываются.

И Запад впущен.

Черный работяга в Ливерпуле

Я прошел мимо
Сутулого, напряженного, измученного,
Понурившего голову;
Слонящегося на задворках.
То была черная тень
Среди черных теней.
Я всмотрелся;
Наши взоры встретились,
Но на его темном негритянском лице —
Ни веселой улыбки,
Ни надежды,
Ни сулящего надежду желания.
Взгляд
Вспыхнул и погас,
Пронзая безразличие толпы,
Страстно ища
Лица,
На котором мелькнуло бы понимание.
Он,
Черный ливерпульский работяга,
Покинул отчизну
С надеждой
Обрести себя
В стране свободных
И мужественно борется.
Разве солнце,
Приветствовавшее его рождение,
Сияет и сейчас?
Во всяком случае, не здесь —
Здесь его надежда на лопату,
Здесь его удел — смиренность.

